

A
K-68

+

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УССР

КИЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Т.Г.ШЕВЧЕНКО

Юридический факультет

На правах рукописи

КОРОТКИЙ
Николай Николаевич

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ НЕПРИКОСНОВЕН-
НОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯ-
ЕМОГО В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕ-
ДОВАНИЯ

/диссертация на русском языке/

/специальность № 12.00.08. - уголовное
право и уголовный процесс/

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Киев - 1977

Работа выполнена на кафедре уголовного права и процесса юридического факультета Киевского ордена Ленина государственного университета им.Т.Г.Шевченко,

научный руководитель кандидат юридических наук, доцент М.М.МИХЕЕНКО.

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор В.А.Стремовский;

кандидат юридических наук, доцент А.Я.Дубинский.

Ведущее учреждение - Харьковский юридический институт.

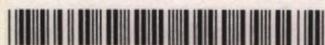
Автореферат разослан "10" мая 1977 года.

Защита диссертации состоится "20" июня 1977 года в "14" час. "00" мин. на заседании специализированного совета Д.068.18.14. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при Киевском ордена Ленина государственном университете им.Т.Г.Шевченко /г.Киев, ул.Владимирская 60/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета.

Ученый секретарь совета

3079

у. у. у. у. у.

Обеспечение прав и законных интересов советских граждан было и есть постоянной заботой Коммунистической партии Советского Союза. "... Защита прав, свобод и безопасности советских людей, - говорил Л.И.Брежнев на XVI съезде профессиональных союзов СССР, - это не только наше право, но и наш священный долг" ^{1/}. В Постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 года "О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции" сказано: "Социалистическая демократия - это единство прав и обязанностей, подлинной свободы и гражданской ответственности, гармоничное сочетание интересов общества, коллектива и личности... Партия неустанно ведет работу по дальнейшему совершенствованию демократических основ нашего общенародного государства, ... по обеспечению все более широкого участия трудящихся в управлении всеми делами общества" ^{2/}.

3079

Задачи уголовного судопроизводства не могут быть обеспечены без применения мер процессуального принуждения, в большей или меньшей степени ограничивающих личную свободу граждан. Поэтому Конституция СССР, конституции союзных и автономных республик, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Положение о прокурорском надзоре в СССР, другие союзные законы, а также республиканское уголовное, уголовно-процессуальное и иное законодательство содержат нормы, которые в своей совокупности создают надежный процессуальный режим, максимально исключающий возможность нарушения права граждан на личную неприкосновенность при применении государственными органами мер принудительного характера.

1/ Л.И.Брежнев. Советские профсоюзы - влиятельная сила нашего общества. Речь на XVI съезде профессиональных союзов СССР. М., Политиздат, 1977, стр.21.

2/ Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. "О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции". М., Политиздат, 1977, стр.13.

*Защита
личной
свободы**Кремль*

Однако, как свидетельствует практика, полностью факты необоснованного применения мер процессуального принуждения еще не изжиты.

Актуальность исследования проблемы совершенствования процессуальных гарантий неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования определяется, с одной стороны, наличием в практике случаев нарушения права граждан на личную неприкосновенность, а с другой, — ее недостаточной теоретической разработкой.

Конечно, вопросы, связанные с гарантиями прав и законных интересов граждан при задержаниях, арестах, привлечении в качестве обвиняемого и применении иных мер процессуального принуждения, уже привлекали внимание советских процессуалистов. Однако они рассматривались отдельно либо попутно, в связи с исследованием иных проблем, и почти не рассматривались в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Кроме того до настоящего времени не было проведено ни одного фундаментального исследования проблемы процессуальных гарантий неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования на основе украинского законодательства и практики его применения.

Указанные обстоятельства и обусловили выбор темы диссертации.

В основу диссертационного исследования положены: труды классиков марксизма-ленинизма; материалы съездов КПСС; решения партии и правительства; положения и выводы, данные в докладах и выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л.И.Брежнев и других руководителей партии; Конституция Союза ССР, конституции Украинской ССР, РСФСР, других союзных и автономных республик; уголовное и уголовно-процессуальное законодательство СССР, УССР, РСФСР, других союзных республик, зарубежных социалистических государств; соответствующая литература; следственная практика.

При подготовке диссертации использованы результаты изучения автором 500 уголовных дел, оконченных следователями и работниками дознания органов внутренних дел Украинской ССР в 1972-75 г.г., и более 1000 материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, относящихся к этому же периоду. В их числе: 139 уголовных дел и 111 отказных материалов, по которым было допущено незаконное задержание подозреваемого; 153 уголовных дела, по которым гражданам необоснованно предъявлялось обвинение; 86 уголовных дел, по которым заключение под стражу в качестве меры пресечения применялось без достаточных на то оснований.

Проведенное диссертантом исследование, а также его личный опыт работы в органах расследования Министерства внутренних дел Украинской ССР позволили определить некоторые правовые и иные понятия, дать рекомендации о порядке применения мер процессуального принуждения, сформулировать предложения о внесении изменений и дополнений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Диссертация состоит из введения, трех глав, выводов и предложений.

В первой главе раскрывается сущность понятий личности, неприкосновенности личности в советском праве и процессуальных гарантий неприкосновенности личности.

Рассмотрев ряд определений понятий личности и человека, данных классиками марксизма-ленинизма и учеными различных отраслей знаний - психологии, медицины, философии, социологии, психиатрии, юриспруденции и др., а также соотношение этих понятий, автор приходит к выводу о том, что личность - это

общественная сторона, психический облик, свойство человека как биологического организма, но не сам организм. Личность неотделима от человека только в том смысле, что личностью может быть лишь человек. Поэтому автор полагает, что употребляемое в настоящее время в законодательстве словосочетание "неприкосновенность личности" не вполне приемлемо, поскольку, во-первых, понятие "личность" охватывает только общественную сторону человека и не касается биологической, тогда как преступления против личности в своем большинстве посягают в первую очередь на человека именно как на организм. Во-вторых, понятие "личность" не охватывает некоторые категории душевнобольных и детей в раннем возрасте, в то время как советский закон в одинаковой мере охраняет жизнь и телесную неприкосновенность всех людей, независимо от их возраста, развития и состояния здоровья.

Наиболее удачным, по мнению автора, является словосочетание "неприкосновенность лица", которым необходимо заменить в Конституциях, Основах, Кодексах выражение "неприкосновенность личности". В связи с изложенным диссертант отмечает, что рассматриваемое понятие правильно именуется в украинском языке - "недоторканність особи", т.е. неприкосновенность лица. Вместе с тем в украинском законодательстве и юридической литературе понятие "особа" зачастую употребляется и там, где речь идет об индивидуальности человека, о социальной его стороне, и, следовательно, правильным будет применение термина "особистість". Поэтому автор считает, что в Уголовный /ст. 45, 26, 39, 44, 45, 51/ и Уголовно-процес-

суальный /ст.8, 150, 228, 286, 388, 372/ кодексы Украинской ССР /в украинской редакции/ следует внести изменения, заменив в необходимых случаях термин "особа" на термин "особистість".

Рассматривая неприкосновенность личности, гарантированную ст.127 Конституции СССР и ст.107 Конституции Украинской ССР /ст.131 Конституции РСФСР и соответствующими статьями конституций других союзных и автономных республик/, диссертант исходит из того, что это понятие означает право каждого человека, находящегося на территории СССР, на государственную охрану и защиту от преступных посягательств на его жизнь, здоровье, свободу, честь и достоинство. Автор не соглашается с точкой зрения юристов /А.И.Сергеев, В.А.Иванов/, полагающих, что под неприкосновенностью личности Конституция СССР понимает лишь право граждан на личную свободу. По его мнению, указание Конституции на порядок производства ареста является свидетельством особой заботы законодателя об обеспечении личной свободы граждан.

Неприкосновенность личности обеспечивается главным образом мерами и средствами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Уголовный закон предусматривает ответственность за убийство, телесные повреждения, изнасилование, незаконное лишение свободы и другие преступления против личности. Имеется немало уголовно-правовых норм, которые, будучи направлены на защиту основ советского государственного и общественного строя либо на охрану определенных общественных интересов /законности в деятельности органов дознания, предварительного следствия и суда, нормальных условий труда на производстве, безопасности движения транспорта и др./ и имея своей первоочередной и непосред-

ственной задачей защиту именно этих областей жизни советского общества, одновременно защищают жизнь, здоровье и личную свободу людей /ст.69 УК УССР - бандитизм, ст.71 - массовые беспорядки, ст.135 - нарушение правил охраны труда, ст.175 - принуждение к даче показаний, ст.176 - вынесение судьями заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления, и ряд других/.

Неприкосновенность личности предусмотрена и уголовно-процессуальным законодательством. Это понятие в советском уголовном процессе означает, что никто не может быть задержан, арестован и привлечен к уголовной ответственности, а также ни к кому не могут быть применены меры пресечения и другие меры процессуального принуждения без достаточных к тому оснований и вопреки установленному для этого законом порядку. Лицам, привлеченным к уголовной ответственности, должно быть обеспечено право на защиту. Соответственно этому уголовно-процессуальный закон содержит ряд норм, за нарушение которых должностные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности /ст.173 УК УССР - заведомо незаконный арест, задержание или привод, ст.174 - привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности/.

Диссертант отмечает, что не всякое посягательство на права граждан означает посягательство на их личную неприкосновенность, хотя в итоге каждое преступление причиняет вред интересам личности. При решении этого вопроса следует исходить из объекта посягательства. Если им является какой-либо из основных, неотъемлемых интересов - жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, свобода, честь и достоинство, т.е. интересов, обуславливающих само

Освобождение

существование и нормальное развитие личности, - имеет место посягательство на неприкосновенность личности, если же объектом посягательства является иное право гражданина - о посягательстве на неприкосновенность личности говорить нельзя.

На основании изложенного автор приходит к выводу, что под неприкосновенностью личности следует понимать такое состояние правопорядка и положение человека в советском обществе, при которых жизнь, здоровье, свобода, половая неприкосновенность, честь и достоинство личности гарантированы от каких-либо посягательств и имеют действительную возможность к полной и фактической реализации.

Это определение, по мнению диссертанта, вполне применимо и к уголовному судопроизводству, в котором практически существует возможность как неосторожного, так и умышленного ущемления любого из перечисленных интересов личности, разумеется, за исключением половой неприкосновенности. Наибольшей опасности быть нарушенной при несоблюдении уголовно-процессуальных норм подвергается свобода лица, поскольку привод, задержание, арест и иные принудительные меры в уголовном судопроизводстве применяются довольно часто. Здоровье, честь и достоинство могут быть ущемлены при производстве некоторых следственных действий, если требования закона не выполняются либо выполняются ненадлежаще /ст.193, 194 МЛК УССР, ст.181, 188 УПК РСФСР/. И наконец, нарушения законности при производстве предварительного расследования и судебного рассмотрения обстоятельств преступления могут создать ситуацию, при которой и жизнь лица, в случае осуждения его к исключительной мере наказания, может оказаться под угрозой.

Неприкосновенность личности, как и любое иное право в СССР, обеспечивается экономическими, политическими, идеологическими и юридическими гарантиями. Разновидностью юридических гарантий являются гарантии процессуальные. Рассматривая уголовно-процессуальные гарантии как совокупность уголовно-процессуальных норм в единстве с деятельностью по претворению их в жизнь, диссертант полагает, что под процессуальными гарантиями неприкосновенности личности в советском уголовном процессе следует понимать уголовно-процессуальный режим, гарантирующий полную и фактическую реализацию права на личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве путем строгой регламентации прав и обязанностей участников процесса и осуществления ими в соответствии с требованиями социалистической законности деятельности по применению, соблюдению, исполнению и использованию соответствующих уголовно-процессуальных норм.

Глава вторая посвящена рассмотрению процессуальных гарантий неприкосновенности личности при возникновении в уголовном судопроизводстве фигуры подозреваемого.

Усиление процессуальных гарантий неприкосновенности личности при появлении в уголовном процессе фигуры подозреваемого предполагает четкую нормативную регламентацию фактических и процессуальных оснований, порождающих такого участника процесса, его правового положения в уголовном судопроизводстве, прав и обязанностей соответствующих управомоченных лиц /органов/, а также обеспечение реализации этих нормативных предписаний в правоотношениях, вызываемых действиями подозреваемого и названных компетентных лиц /органов/. Между тем эти вопросы законом урегулированы недостаточно полно.

Одним из наиболее дискуссионных как в теории, так и в практике советского уголовного процесса является вопрос о понятии подозреваемого. Расхождение мнений проявляется главным образом при определении процессуальных действий, порождающих фигуру подозреваемого.

Анализируя различные точки зрения процессуалистов, законодательство и практику, диссертант приходит к выводу о том, что подозреваемый должен быть признан обязательным участником процесса, а в УПК УССР следует внести норму о том, что подозреваемый признается: 1/ лицо, в отношении которого имеются доказательства совершения им преступления, которых еще недостаточно для предъявления обвинения, если в отношении этого лица: а/ применено уголовно-процессуальное задержание; б/ избрана мера пресечения; в/ вынесено мотивированное постановление о привлечении в качестве подозреваемого; 2/ лицо, в отношении которого применено задержание или мера пресечения за совершение мелкого хищения /ч. I ст. 85 УК УССР/ или хулиганства без квалифицирующих признаков /ч. I ст. 206 УК УССР/ либо составлен протокол о таком правонарушении, если меры процессуального принуждения не применялись.

Постановление о привлечении в качестве подозреваемого, по мнению автора, должно быть вынесено во всех случаях /за исключением тех, когда лицо задержано по подозрению в совершении преступления либо к нему применена мера пресечения, а также, когда совершено преступление, предусмотренное ч. I ст. 85 или ч. I ст. 206 УК УССР/, когда собранные доказательства указывают на конкретное лицо как на совершителя преступления, однако при условии, что их еще недостаточно для предъявления обвинения

О. М. К. Новичков

и нет оснований к применению задержания либо меры пресечения или же их применение нецелесообразно. Такое постановление необходимо выносить и в тех случаях, когда уголовное дело было возбуждено против конкретного лица.

По мнению диссертанта, в законе следовало бы также предусмотреть, что постановление о привлечении лица в качестве подозреваемого, в котором изложена сущность подозрения и указан перечень прав и обязанностей подозреваемого, объявляется подозреваемому под расписку в соответствующий срок /его можно установить по примеру ст.133 УПК УССР, т.е. не позднее двух дней с момента вынесения постановления/ и копия его направляется прокурору.

В качестве необходимых предпосылок усиления процессуальных гарантий неприкосновенности личности при возникновении в уголовном процессе фигуры подозреваемого, особенно в случаях задержания и ареста, диссертант рассматривает также нормативное урегулирование оснований, времени и процессуального порядка допуска и вовлечения защитника в дело, его прав и обязанностей, процессуального положения подозреваемого при осуществлении права на защиту, прав и обязанностей компетентных лиц /органов/, решающих вопрос о допуске и вовлечении в дело защитника, а также обеспечение реализации этих нормативных предписаний в соответствующих правоотношениях, порождаемых действиями защитника, подозреваемого и управомоченных лиц /органов/.

В ст.13 Основ /ст.21 УПК УССР, ст.19 УПК РСФСР/ указано: "Обвиняемый имеет право на защиту". О подозреваемом же здесь не упоминается. Однако, означает ли это, что ему не от

Курсовая работа

чего защищаться? По этому вопросу в юридической литературе не существует единого мнения. Многие процессуалисты полагают, что защита всегда должна противостоять обвинению, в связи с чем функция защиты возникает только с появлением в процессе обвиняемого /В.М.Савицкий, П.М.Давыдов, Л.В.Сидоров, П.П.Якимов, С.А.Альперт, Ф.Н.Фаткуллин, Э.Э.Зинатуллин, Н.С.Аврах/. Другие, придерживаясь по существу такой же позиции, не отрицают, однако, того факта, что уголовное преследование ведется и в отношении подозреваемого, которому принадлежат определенные права защиты /М.С.Строгович/. И наконец, ряд юристов не связывает возникновение функции защиты только с появлением в процессе обвиняемого /П.С.Элькин, И.М.Гуткин, И.Д.Перлов, А.Н.Васильев, Л.М.Карнеева, М.М.Михеенко, В.Н.Шпилев, И.А.Либус, Г.М.Резник, М.М.Славин/.

Как свидетельствует анализ практики, не всякий подозреваемый может самостоятельно защищать свои права и законные интересы, поэтому существует опасность их нарушения. В связи с этим диссертант предлагает ст.18 Основ /ст.21 УПК УССР, ст.19 УПК РСФСР/ сформулировать в следующей редакции: "Подозреваемый и обвиняемый имеют право на защиту. Лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд обязаны обеспечить подозреваемому и обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от грозящего или предъявленного обвинения и обеспечить охрану их личных и имущественных прав".

Рассматривая институт обязательного участия защитника в процессе, диссертант высказывает мнение о том, что целесообразно было бы установить правило об обязательном участии защитника в деле с момента задержания или избрания меры пресечения в

Защитник - как процессуальное лицо

виде заключения под стражу до предъявления обвинения в случаях, когда: подозреваемый вследствие своих физических или психических недостатков не может сам осуществить свое право на защиту; подозреваемый несовершеннолетний; подозреваемый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство; санкция статьи, по которой квалифицируется преступление, предусматривает смертную казнь, - подобно тому, как это предусмотрено по отношению к обвиняемому /п.1-3, 5 ч.1 ст.45 УПК УССР, п.2-5 ч.1 ст.49 УПК РСФСР/.

О том, что защитник может быть допущен к участию в деле в связи с появлением подозреваемого или обязательно вовлекается в него в перечисленных случаях следовало бы составлять постановление, в котором отражать: кратко фактуру дела с указанием процессуальной меры, посредством которой лицо поставлено в качестве подозреваемого; право подозреваемого пригласить защитника и сведения о том, не является ли участие защитника в деле обязательным; обязанности лица, производящего расследование, по обеспечению участия защитника, если его вступление в процесс обязательно; права и обязанности защитника на предварительном следствии и т.п., т.е. те основные положения, ознакомление с которыми позволит подозреваемому хотя бы в общих чертах представить свои права и обязанности компетентных лиц по вовлечению защитника в дело, а также роль защитника в уголовном процессе. С этим постановлением обязательно должен знакомиться подозреваемый. Копия постановления направляется прокурору, а в необходимых случаях /если нет договоренности подозреваемого, его родственников и т.д. с защитником/ - и в соответствующую юридическую консультацию.

Факт вступления защитника в дело целесообразно оформлять протоколом в присутствии защитника. В этом же протоколе должен отражаться и факт отказа подозреваемого от защитника, причем также в присутствии последнего. Следует также установить правило о необходимости уведомлять прокурора об отказе подозреваемого от защитника с изложением мотивов отказа. Это можно было бы осуществить путем направления прокурору копии упомянутого протокола.

Рассматривая процессуальные гарантии неприкосновенности личности при задержании подозреваемого, диссертант исходит из того, что их усиление невозможно без совершенствования нормативной регламентации оснований, мотивов и процессуального порядка задержания, прав и обязанностей подозреваемого и лиц /органов/, осуществляющих эту меру принуждения и надзирающих за законностью ее применения, а также обеспечения реализации указанных нормативных предписаний в соответствующих правоотношениях, порождаемых действиями подозреваемого и уполномоченных лиц /органов/.

Задержание подозреваемого автор определяет как меру процессуального принуждения, выражающуюся в кратковременном, на срок не более 3 суток, ограничении свободы подозреваемого и применяемую с соблюдением определенного законом процессуального порядка в неотложных случаях без санкции прокурора компетентными органами в целях раскрытия преступления, пресечения преступной деятельности, предотвращения уклонения от уголовной ответственности и установления в соответствующих случаях личности подозреваемого, в отношении которого имеются данные о совершении им преступления, наказуемого лишением свободы, и рассматривает его как систему действий /фактическое задержание правонаруши-

теля и доставление его в милицию; проверка оснований задержания; установление мотивов и целесообразности задержания; принятие решения о задержании и возбуждении уголовного дела; возбуждение уголовного дела; документальное оформление задержания; допрос подозреваемого; водворение его в камеру для задержанных; сообщение прокурору и родственникам подозреваемого о произведенном задержании/, совершаемых в определенной последовательности при наличии соответствующих оснований и условий, с соблюдением установленной процессуальной формы и предусмотренных законом сроков.

Наиболее важные процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого, подлежащего задержанию, установлены ст.32 Основ, ст.2 Положения о кратковременном задержании лиц, подозреваемых в совершении преступления /в дальнейшем кратко: Положение/, ст.106 и 115 УПК УССР /ст.122 УПК РСФСР/. Под "иными данными", дающими основания подозревать лицо в совершении преступления, о которых говорится в перечисленных статьях, диссертант предлагает понимать сведения официального и неофициального характера о преступлении и преступнике, позволяющие подозревать определенное лицо в совершении правонарушения и образующие при наличии определенных условий ситуацию, не охватываемую п.1-3 ч.1 ст.32 Основ.

Учитывая изменения, внесенные в ст.34 Основ и ст.155 УПК УССР соответственно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 года и Указом Президиума Верховного Совета УССР от 28 марта 1977 года I/, согласно которым заклю-

I/ "Ведомости Верховного Совета СССР", 1977, № 7, ст.120; "Ведомости Верховного Совета УССР", 1977, № 14, ст.131.

чение под стражу в качестве меры пресечения применяется по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года, и лишь в исключительных случаях - на срок до одного года, диссертант приходит к выводу, что и задержание подозреваемого за совершение преступлений, наказуемых лишением свободы на срок не свыше одного года, может применяться только в исключительных случаях, и предлагает такое правило прямо предусмотреть в ст.32 Основ, ст.2 Положения, ст.106 УПК УССР и в соответствующих статьях УПК союзных республик.

Всякое задержание подозреваемого должно преследовать определенные цели, т.е. быть мотивированным, в противном случае оно недопустимо. Многие процессуалисты полагают, что задержание имеет своими целями пресечение преступной деятельности подозреваемого и его попыток помешать установлению истины, а также воспрепятствование уклонению его от следствия и суда /И.С.Галкин, В.Г.Кочетков, Э.Ф.Куцова, А.И.Сергеев и др./. Это мнение в процессуальной литературе стало доминирующим. Вместе с тем задержание может быть мотивировано одной лишь опасностью совершенного преступления, на что правильно указывалось в юридической литературе /Л.В.Франк/. Эти мотивы нуждаются в законодательном закреплении.

При решении вопроса о задержании подозреваемого необходимо учитывать не только основания и мотивы, но и такие обстоятельства, как тяжесть совершенного преступления, личность подозреваемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, наличие судимостей и т.п. Такое требование необходимо закрепить в законодательном порядке.

Задержание подозреваемого всегда должно предшествовать возбуждению уголовного дела, разумеется, за исключением случаев задержания лиц за совершение мелкого хищения /ч.1 ст.85 УК УССР/ и хулиганства без квалифицирующих признаков /ч.1 ст.206 УК УССР/, по которым уголовное дело возбуждается судом или судьей /ст.430 УПК УССР, ст.419 УПК РСФСР/. Такой вывод, по мнению диссертанта, вытекает из ст.3, 29 и 32 Основ, ст.4, 94, 104, 106 и 113 УПК УССР, ст.8, 108, 119, 120, 122 и 129 УПК РСФСР. Однако косвенной нормативной регламентации здесь недостаточно, поэтому следует полностью согласиться с предложением А.А.Чувилева о дополнении закона прямым указанием на то, что задержание допускается только после возбуждения уголовного дела. Наряду с этим необходимо усилить прокурорский надзор за соблюдением закона и ответственность практических работников за его нарушение.

Рассматривая протокол задержания подозреваемого как одну из процессуальных гарантий неприкосновенности личности, автор предлагает дополнительно указывать в нем: обстоятельства задержания; время доставления лица в орган внутренних дел; исключительные обстоятельства, обусловившие задержание подозреваемого за совершение преступления, наказуемого лишением свободы на срок не свыше одного года; перечень прав подозреваемого и сведения о разъяснении ему этих прав; сведения о разъяснении подозреваемому оснований и мотивов задержания, а также в совершении какого преступления он подозревается; сведения об отношении подозреваемого к его задержанию; сведения о том, допрашивался ли и кем задержанный перед водворением в камеру для задержанных и просит ли прокурора вызвать его на беседу; время водворения задержанного в камеру либо, что его туда не водворили;

кто, когда и по каким признакам возбужден уголовный процесс. Копию такого протокола целесообразно немедленно направлять прокурору в качестве уведомления о произведенном задержании, увеличив, таким образом, объем сообщаемой ему информации.

Определяя добро подозреваемого в качестве одной из важнейших гарантий правильности применения уголовно-процессуальности задержания, диссертант предлагает в законодательном порядке запретить возвращение в камеру для задержанных граждан, которые не допрашивались как подозреваемые. Исключения могут составлять случаи невозможности немедленного допроса, однако при условии, что основания к задержанию этого лица не вызывают сомнения. Чтобы исключить возможность получения от подозреваемого желаемых показаний путем длительного его допроса, следует, по мнению автора, установить правило, согласно которому подозреваемый должен быть возвращен в камеру для задержанных не позднее, чем через 2 часа /в течение этого времени должен быть произведен допрос/ после составления протокола задержания, в противном случае - освобождается.

В процессе допроса подозреваемого зачастую используются имеющиеся в деле доказательства причастности допрашиваемого к совершенному преступлению. Они предъявляются для получения наиболее правдивых показаний задержанного, что способствует укреплению социалистической законности. Вместе с тем иногда право предъявления доказательств на практике используется с ущербом законным интересам подозреваемого. Чаще всего это выражается в сообщении задержанному о якобы имеющихся в деле доказательствах, которых в действительности не существует. В этой связи диссертант считает целесообразным ст. 107 УПК УССР, а также соответствующие статьи УПК других союзных республик допол-

нить, указав, что если подозреваемому при допросе предъявлялись доказательства либо о наличии таковых допрашивающим сообщалось без их предъявления, об этом, а также об отношении к таким доказательствам задержанного должно быть отмечено в протоколе допроса после записи показаний. В протоколе допроса также отмечается в соответствующих случаях, что доказательства не предъявлялись и о них ничего не сообщалось.

В третьей главе рассматриваются процессуальные гарантии неприкосновенности личности при привлечении в качестве обвиняемого и применении мер процессуального принуждения.

Усиление процессуальных гарантий неприкосновенности личности при привлечении лица в качестве обвиняемого предполагает дальнейшее совершенствование нормативной регламентации вопросов, связанных с определением оснований и момента для вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения, прав и обязанностей обвиняемого и лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого, а также управомоченных лиц /органов/ и обеспечение реализации нормативных предписаний в правоотношениях, возникающих из действия обвиняемого и других названных лиц /органов/. Исходя из этого, диссертант полагает, что ст.131 УПК РСФСР /ст.143 УПК РСФСР/ следует изложить так:

"Если имеется достаточно доказательств, с несомненностью указывающих, что преступные деяния действительно имело место и совершено определенным лицом, следовательно выносит мотивированное постановление о привлечении этого лица в качестве обвиняемого".
Предлагаемая редакция предусматривает предъявление обвинения только при наличии совокупности доказательств, позволяющих сделать по делу вывод не с неопределенной степенью достоверности, а достоверно, т.е. с несомненностью, которая должна быть основой

убежденности следователя /лица, производящего дознание/ в виновности привлекаемого лица. Внутреннее убеждение в доказанности обстоятельств, составляющих сущность обвинения, к моменту предъявления обвинения может не сформироваться лишь в том случае, если есть сомнения в достоверности установленных фактов. Очевидно, что при такой ситуации предъявление обвинения недопустимо, ибо таит в себе опасность привлечения к уголовной ответственности невиновных граждан.

Уголовно-процессуальный закон /ст.131 УПК УССР/ не дает точного указания о моменте вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Это является причиной неодинакового понимания вопроса научными работниками, а на практике предоставляет возможность ограничения прав лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, причем такая возможность иногда используется и постановления о привлечении в качестве обвиняемого выносятся неоправданно поздно, даже в день окончания предварительного расследования. Поэтому диссертант приходит к выводу о том, что в ст.131 УПК УССР следует указать, что следователь, при наличии к тому достаточных оснований, немедленно выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Согласно закону /ст.133 УПК УССР/, сформулированное в постановлении обвинение должно быть предъявлено не позднее двух дней с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и во всяком случае не позднее дня явки обвиняемого или его привода. Однако автор, учитывая, что в предъявлении обвинения как процессуальном действии реализуется гарантия права обвиняемого знать, в чем он обвиняется, почему именно он и именно в этом обвиняется, какие в связи с этим приобретает права и какие

несет обязанности, считает, что это процессуальное действие должно быть выполнено незамедлительно, и предлагает ст.133 УПК УССР изложить в такой редакции: "Обвинение должно быть предъявлено немедленно после вынесения следователем постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого и во всяком случае не позднее дня явки обвиняемого или его привода".

Длительное время в юридической литературе ведется дискуссия вокруг вопроса о том, нужно ли в постановлении указывать доказательства, послужившие основанием для предъявления обвинения. Присоединяясь к мнению процессуалистов, полагающих, что приводить доказательства в постановлении необходимо, автор предлагает внести изменения в уголовно-процессуальный закон, указав в ст.21 Основ, ст.142 УПК УССР и соответствующих статьях УПК других союзных республик, что обвиняемый имеет право знать, в чем и почему он обвиняется, а в ст.132 УПК УССР и в соответствующих статьях УПК других союзных республик, - что в постановлении отражаются также основные доказательства, послужившие основанием привлечения к уголовной ответственности.

Неудачной представляется формулировка ч.1 ст.143 УПК УССР: "Следователь обязан допросить обвиняемого немедленно после его явки или привода и во всяком случае не позднее суток после предъявления ему обвинения". Допрос обвиняемого на практике следует сразу же после предъявления обвинения и это диктуется не только интересами быстрого установления истины по делу, но и интересами усиления гарантий прав обвиняемого. В этой связи необходимо ч.1 ст.143 УПК УССР изложить в такой же редакции как, например, ч.1 ст.150 УПК РСФСР, предусмотрев обязанность следователя допросить обвиняемого немедленно после предъявления ему

обвинения. Целесообразно было бы дополнить ст.143 УПК УССР также требованием составлять особый протокол в тех случаях, когда допросить обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения невозможно, как это предусмотрено, например, ст.157 УПК Азербайджанской ССР, ст.142 УПК Армянской ССР, ст.125 УПК Эстонской ССР.

Рассматривая процессуальные гарантии неприкосновенности личности при избрании в качестве меры пресечения содержания под стражей, диссертант исходит из того, что их усиление требует четкого нормативного урегулирования оснований, условий и процессуального порядка заключения под стражу /прав и обязанностей лиц, подлежащих аресту, и арестованных, а также уполномоченных лиц, в т.ч. санкционирующих арест/ и обеспечения реализации этих нормативных предписаний в правоотношениях, порождаемых действиями обвиняемых /подозреваемых/ и соответствующих компетентных лиц.

Согласно ст.34 Основ в редакции 8 февраля 1977 года /ст.155 УПК УССР в редакции 23 марта 1977 года/ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года, и лишь в исключительных случаях - на срок не свыше одного года. Закон не указывает, что следует понимать под исключительными случаями. По нашему мнению, таковыми можно считать отсутствие постоянного места жительства у обвиняемого, его антиобщественный, паразитический образ жизни, пьянство и дебоши в семье, а также случаи уклонения от отбывания наказания осужденного, которому разрешен краткосрочный выезд из мест лишения свободы /ст.188¹ УПК УССР/¹.
 I/ "Ведомости Верховного Совета УССР", 1977, № 14, ст.128.

Не может быть применено заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года, поскольку эти преступления не входят в перечень тяжких, предусмотренных ст.7^I УК УССР /ст.7^I УК РСФСР/.

Согласно закону заключение под стражу подозреваемого допускается в исключительных случаях /ст.33 Основ, ст.148 УПК УССР/, однако каких-либо критериев для определения исключительности ситуации законодатель не дает, что в немалой степени способствует применению на практике заключения подозреваемого под стражу при фактом отсутствии каких бы то ни было исключительных обстоятельств, и превращению, таким образом, исключения в правило. А это значительно усиливает опасность применения незаконных арестов, поскольку заключение под стражу подозреваемого осуществляется всегда на основе вероятных выводов о виновности лица в совершении преступления.

С целью устранения такого положения некоторые процессуалисты /Л.В.Франк, И.С.Галкин, В.Г.Кочетков/ предлагают критерии для определения исключительности ситуации, однако эти предложения, по мнению автора, в целом проблему необоснованных арестов не решат, ибо допускают избрание наиболее серьезной меры пресечения при отсутствии доказательств, позволяющих предъявить обвинение. А если нет оснований для предъявления обвинения, но заключение под стражу все же применяется, значит, сознательно допускается возможность ареста невиновного лица. Поэтому необходимо запретить заключение под стражу лиц, в отношении которых в установленном законом порядке не сформулировано обвинение. Такое правило можно было бы установить вначале в отношении

несовершеннолетних, лиц с физическими или психическими недостатками, а также лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство.

Совершенствование процессуальных гарантий неприкосновенности личности предполагает создание такого процессуального режима, при котором заключение под стражу в качестве меры пресечения применялось бы в случаях действительной к тому необходимости.

На практике нередко складывается ситуация, когда есть все основания для заключения обвиняемого под стражу, однако какие-нибудь конкретные обстоятельства делают такой арест нецелесообразным. И все же он применяется. Объясняется это отсутствием в законе меры пресечения, хотя бы и не ограничивающей свободу, как при заключении под стражу, но создающей условия, максимально препятствующие уклонению обвиняемого от следствия и суда и совершению им других незаконных действий, то есть меры пресечения, которая была бы эффективнее подписки с невыезде. В связи с этим диссертант считает целесообразным переобразовать подписку о невыезде в новую меру пресечения - подписку о невыезде и надлежащем поведении и с этой целью изложить ст.151 УПК УССР /и соответствующие статьи УПК других союзных республик/ в такой, например, редакции: "Подписка о невыезде и надлежащем поведении состоит в отобрании от подозреваемого или обвиняемого обязательства не отлучаться с места жительства или временного нахождения без разрешения соответственно лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда; являться по первому их требованию; не оставлять работу или учебу, а если трудоспособный обвиняемый не работает, трудоустроиться; надлежащим образом вести себя. В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым

данной им подписки, к нему при наличии предусмотренных в законе оснований может быть применено заключение под стражу, о чем ему должно быть объявлено при отобрании подписки". По мнению автора, предлагаемая мера пресечения соответствовала бы идее о воспитательном значении мер пресечения в советском уголовном процессе, которая нашла отражение в статьях 152, 154, 163 и 486 УПК УССР /ст.94, 95, 100 и 394 УПК РСФСР/, регулирующих применение личного и общественного поручительства, наблюдения командования воинской части и передачи несовершеннолетнего под надзор родителей, опекунов, попечителей или администрации детского учреждения.

Усиление процессуальных гарантий неприкосновенности личности при применении иных мер процессуального принуждения, по мнению автора, также предполагает совершенствование нормативной регламентации оснований, целей и процессуального порядка применения этих мер, прав и обязанностей лиц, к которым они применяются, и лиц /органов/, применяющих эти меры /в т.ч. санкционирующих их применение/, а также обеспечение реализации указанных нормативных предписаний в соответствующих правоотношениях, вызываемых действиями названных лиц и органов. Исходя из этого, диссертант полагает, в частности, что: решая вопрос о приводе, следователь /лицо, производящее дознание/ должен иметь фактические данные и на их основании быть убежден, что лицо без уважительных причин не явилось по вызову в орган расследования и его явку можно обеспечить только посредством привода; личный обыск лица, подлежащего задержанию в качестве подозреваемого, должен быть разрешен до возбуждения уголовного дела; при даче санкции на помещение обвиняемого в медицинское учреждение для производства стационарной судебно-медицинской или судебно-психиат-

рической экспертизы прокурор обязан лично ознакомиться с материалами дела, а в необходимых случаях /например, когда обвиняемый возражает против помещения его в медицинское учреждение и т.п./ допросить обвиняемого по существу предъявленного ему обвинения и об обстоятельствах, связанных с направлением его на стационарную экспертизу; обвиняемый, подозреваемый и иные лица могут отказаться от участия в воспроизведении обстановки и обстоятельств события, если этим следственным действием их жизнь или здоровье подвергаются опасности, а достоинство - унижению.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах автора:

1. Подписка о невыезде как мера пресечения. - "Радянське право", 1974, № 5, на укр. языке, 0,3 п.л.

2. Задержание подозреваемого в совершении преступления. - "Радянське право", 1975, № 7, на укр. языке, 0,4 п.л.

3. К понятию неприкосновенности личности в советском праве. - "Проблеми правосвідомості", к., изд. КІУ, 1975, № 81, на укр. языке, 0,4 п.л.

4. Усилить процессуальные гарантии прав лица, подозреваемого в совершении преступления. - "Радянське право", 1976, № 8, на укр. языке, 0,4 п.л.

Подп. к печ. 5.05.77г. Зак. 1157 Тир. 100
ФОН УГМС УССР.

г. Киев, ул. Золотоворотская, 6.